

■ гений

Юбилей великого русского артиста Иннокентия Смоктуновского Газета отмечает, публикуя несколько отрывков мемуарного характера. Один из них принадлежит перу дочери Смоктуновского Марии и был любезно предоставлен нам семьей артиста. Два других (их авторы — сын Смоктуновского Филипп и ушедшая не так давно из жизни Софья Милькина, жена и соратница Михаила Швейцера) предназначались для альманаха «Икша» (1997), где под одной обложкой соединились рассказы дачников, чьи имена известны всей России.

Мария Смоктуновская: «мы не мешали папе»

Когда мы писали в школе сочинение под названием «Удивительное рядом», я написала, что для меня самое удивительное, что дочь такого великого актера. Самое яркое впечатление детства — когда папа учил меня плавать. Это было под Ленинградом, на даче. Вокруг сосновый лес и озера, красота неописуемая. Одно из озер называлось Голубым — в нем-то я и постигала основы плавания под чутким папиным руководством. Сам он очень любил купаться и плавал великолепно.

Еще он любил собирать грибы и вечерами гулять с нами, зимой — кататься на лыжах. Но больше всего обожал копаться в земле. <...> Папа сажал на даче не только яблоки и вишни, но и елки с ивами. Когда я родилась, в честь этого события на даче посадили елку, которую назвали елочкой Машей. <...> Когда мы приезжали на дачу, было приятно видеть, как он упивался природой. Он то и дело восклицал: «Как здесь прекрасно! Как здесь замечательно!»

А вообще он был очень занят. Спектакли, съемки, интервью, гастроли... Но если выпадала свободная минута, он присоединялся к нам с братом и особенно любил играть с нами в детское лото и складывать пазлы.

Отыграв спектакль, папа садился писать. После этого скрупулезно правил. А когда заканчивал очередную главу, читал нам. Потом некоторое время спустя он мне говорил: «Я внес исправления, послушай, пожалуйста! Ты можешь послушать?» Я слушала всегда с огромным интересом. <...> Папа очень интересовался нашим мнением. Кстати, когда он писал или учил текст, мы не чувствовали никакого напряжения. Нас с братом не заставляли ходить на цыпочках, мы не мешали папе: он мог учить текст, писать, вживаться в роль, но никогда от нас не требовал, чтобы мы вели себя тише.

Филипп Смоктуновский: «он был тружеником прежде всего»

Первый фильм, в котором я увидел на экране отца, — «Гамлет». Мне было лет шесть или семь, я был с мамой в обычном ленинградском кинотеатре. Меня очень напугала сцена представления актеров — очень эмоциональная, подстроенная Гамлетом, как вы знаете, специально, чтобы напугать королеву и короля.

“ЧУДНЫЙ, СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК”

80 лет со дня рождения Иннокентия Смоктуновского

После фразы «и в ухо яду влил» просмотр наш был закончен, я закричал от страха, и мы с мамой ушли. «Гамлета» целиком я увидел уже лет в пятнадцать. Но тема «Гамлета», аура этого фильма с детства были со мной. Мы ведь жили вместе с отцом в Эстонии в местечке Вяэна-Йыесуу, когда снимался фильм. Я помню замок на берегу моря, огромный, в натуральную величину. Построен он был из проволочных ящиков для молока. В этих ящиках раньше привозили молочные бутылки, и в них же молоко продавалось в магазинах. Из такой молочной тары построили каркас замка Эльсинор; между проволочными ячейками проложили ткань и все сверху залили цементом. Потом замок должны были взорвать. Мне кажется — ведь не приснилось же это мне позже и не придумалось, я надеюсь, — что я вместе с другими мальчиками играл на стенах этого замка. Играли в прятки, но впечатление от съемок шекспировской трагедии сопровождало наши детские игры. Помню, что было страшно. Ведь именно на этих стенах увидел Гамлет Тень своего отца. <...> Мне как ребенку казалось, что отец был на съемках главным, главнее режиссера Козинцева; казалось, что все снимается так, как велит и как хочет он. <...> Несмотря на вечную занятость, для нас с сестрой он был замечательным отцом, старался во всем помочь... Если хотел ободрить, то горячо хвалил даже за малое: «Молодец! Все ведь очень просто. Почему бы всегда так не делать?»

<...> Он отличался удивительной скромностью, никакого пижонства. Была бы вещь удобна — и все.

Я не помню, чтобы он привозил себе что-нибудь из зарубежных поездок. Матери привезет, мне, сестре, а спросим: «Что себе-то привез?» — и окажется, что практически ничего. Одно время он увлекся иконами. Собирали их с 1965 по 1973 год. А потом все раздарил. Разным людям. Приезжают из-за границы. Что им подарить? Дарил икону. Это не просто подарок. Это духовный поступок. Дарил он и очень дорогие иконы самым разным людям, не только друзьям. <...> Телевизор редко смотрел. Выйдет из своей комнаты, посмотрит, что там, на экране, происходит, скажет две-три фразы и уйдет. Наши телевизионные фильмы с обилием быта в основном ему были неинтересны. Он также очень скептически относился к массовому западному кино с его культом суперменов. Иногда, конечно, он отдыхал, просматривая развлекательные фильмы, но так, как взрослый человек отдыхает, наблюдая за игрой детей. Просто это давало ему возможность расслабиться. Он в жизни больше всего любил стабильность. Был тружеником прежде всего. Он был слишком увлечен работой, она требовала огромной отдачи и напряжения, прежде всего сердечного. Она помогала жить ролью, проживать ее на самом деле, но отнимала очень много сил, здоровья. Поэтому он так рано и умер.

Софья Милькина: «все, кто любил Кешу, стали его звать Подсолнух»

Мы живем на Икше уже пятнадцать лет. А до этого лет за пять, собрав деньги, мы внесли их за

постройку нашего дома. Внесли и стали подзабывать об этом. Строится дом, не строится — не знаем. И вдруг однажды раздался звонок — приезжайте выбирать квартиры. <...> Все выбрали себе квартиры и начали поселяться в эти соты, в эти пчелиные ячейки. Суетились, тащили кушетки и разную утварь, только одна семья почему-то суетилась в середине луга, точно у них и квартиры нет. Это был Иннокентий Смоктуновский со своей женой Саломеей. Они что-то копали, перекапывали, и в результате получилось что-то вроде латинской буквы S. Кеша на тачке откуда-то привез здоровенный камень и положил посередине буквы S — так, что получилась чудная скамейка.

Шло время, и эта буква S возшла потрясающе красивыми цветами, получилась клумба-вензель, икшинский вензель посреди зеленого ковра. Среди массы чудесных цветов рос огромный подсолнух, и все, кто любил Кешу, стали его звать Подсолнух. Кеша оказался садоводом, человеком, очень любящим это дело. На Икше он любил ходить в чем-то старом, у него всегда были джемпера с порванными локтями, какие-то несусветные тапки. Он все время ходил с испачканными землей руками и лицом. Волосы его выгорели. И вот подросла эта клумба с подсолнухом. Мы так радовались, глядя на этот вензель Смоктуновского. Мы приняли его как самого обаятельного человека нашего дома и были счастливы тем, что живем под одной крышей с таким чудным, странным человеком и его женой Саломеей.

Прошло некоторое время, все обустроились. И вот однажды ко мне пришла моя соседка по этажу. Вошла она очень мрачная и сказала: «Сонечка, вас здесь ничто не раздражает?» Я говорю: «Нет, здесь так хорошо... Здесь прекрасно». — «А вот эта гадость посреди луга зеленого?»

Назвать эту клумбу гадостью!.. Она была такая красивая, эта клумба. Я спросила: «Почему же она может раздражать?» — «Ну, мне хочется видеть зеленый луг до самой воды, а глаз упирается в эту клумбу. Я не хочу ее видеть». Я говорю: «Я вас не понимаю. Мне не ясен сам предмет разговора. И кроме того, я не понимаю, почему вы ко мне пришли?» «Сонечка, у вас со всеми хорошие отношения. Я вас очень прошу поговорить с Саломеей Михайловной. Чтоб больше этого не было...» — сказала она тоном работника райкома. «Нет, я не пойду к Саломее Михайловне и вам не советую. Эта клумба должна здесь быть. Вот посмотрите, все идут тропкой и оборачиваются на клумбу, потому что все знают, что эта клумба — Смоктуновский. И все мы счастливые люди, так как живем с ним в одном доме».

Назавтра ко мне пришла Саломея Михайловна. У нее было печальное лицо. Она сказала: «Вчера у меня была ваша соседка и велела, чтоб клумбы больше не было. Она ей действует на нервы. При этом у нее был тон человека, который почему-то имеет право приказывать». Я говорю: «Да плюньте вы на нее, не обращайтесь внимания». — «Нет, мы приезжаем сюда отдыхать, и я не хочу, чтобы Иннокентий Михайлович и я переживали здесь такие горькие минуты. Я с трудом вчера удержалась от слез. Я больше не буду делать эту клумбу».

Тут я быстренько всем рассказала об этом. Одни возмутились и сказали: быть клумбе. Другие — наоборот. Клумба разделила людей. Но выступать против клумбы было странно, патологически странно.

На следующую весну не видно Кешы с лопатой, не видно его тачки. Саломея ничего не сделала. Я еду на рынок, покупаю семена. Я в жизни никогда не занималась сельским хозяйством, а тут беру лопату и начинаю вскапывать клумбу. И получается поляна — как сцена. Все смотрят на действие, происходящее на этой поляне, из своих лоджий, как из лож. Там они видят актрису-солистку Сою Милькину, которая копает клумбу, поливает, таскает ведра. Потом наконец к ней начинает присоединяться активная часть дома. Вася Катанян кричит мне из своей лоджии (они живут на первом этаже): «Зачем ты бегаешь наверх? Я тебе буду отсюда подавать воду». И передает мне через барьер ведро, забыв про то, что недавно перенес инфаркт.

Через некоторое время вырастает клумба невероятной красоты. Я таких георгинов в жизни не видела. Они были выше моего роста. И все фотографировались около этой чудной клумбы. <...> Возможно, у кого-нибудь получился бы прекрасный рассказ про то, как клумба не кончилась. Но клумба заглохла. Больше никто ее не сажал. И сейчас ни клумбы, ни Подсолнуха. А ведь какое было бы счастье, если бы клумба осталась после смерти Кешы!

За любезное содействие при подготовке данной публикации Газета благодарит Саломею Михайловну Смоктуновскую и Наталью Юлиевну Сивельникову